

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА КАК БОЛЬШАЯ И ДОСАДНАЯ ЛАКУНА В ИСТОРИИ ЭСТЕТИКИ

АРТЕМ РАДЕЕВ

Артем Евгеньевич Радеев – д. филос. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

E-mail: artem_radeew@mail.ru

В статье ставится вопрос о месте практики эстетики в свете истории и теории эстетики. Обосновывается, что практика эстетики была в центре внимания первых исследователей эстетической проблематики. Дается обзор связи теории и практики эстетики в работах А. Г. Баумгартена, К. Г. Мюллера, И. А. Эберхарда. Однако с определенного момента, эстетика стала восприниматься исключительно как теоретическая (созерцательная) дисциплина в двух ее модификациях – история и теория. И возникшие на основе этого истории эстетики (Р. Циммерманн, Б. Бозанкет и другие) также свели последнюю лишь к ее теории. Ряд же современных тенденций возвращается к практической составляющей эстетики. При этом предлагается обратить внимание на само понятие практики и способы его осмысления. Делается вывод, что история эстетики – это не только история ее теории, но также и история ее практики.

Ключевые слова: практическая эстетика, история эстетики, А. Г. Баумгартен, Р. Циммерманн, современная эстетика.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00685 «Принципы и стратегия развития практической эстетики», <https://rscf.ru/project/25-28-00685/>

PRACTICAL AESTHETICS AS A BIG AND ANNOYING GAP IN THE HISTORY OF AESTHETICS

Artem E. Radeev – Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

E-mail: artem_radeew@mail.ru

The purpose of this article is to raise the question of the place of aesthetic practice in the light of the history and theory of aesthetics. The author discusses «practical aesthetics» in the focus of attention of the first philosophers of aesthetic issues. An overview of the relationship between the theory and practice of aesthetics in the works of A. G. Baumgarten, K. G. Muller, I. A. Eberhard is given. The author underlines that from a certain moment aesthetics began to be perceived exclusively as a theoretical (contemplative) discipline in two of its modifications – history and theory. And the history of aesthetics that arose on the basis of this (R. Zimmerman, B. Bosanquet and others) also reduced the aesthetics only to its theory. A number of contemporary trends are returning to the practical component of aesthetics. At the same time, it is proposed to pay attention to the very concept of practice and ways of understanding it. Author concludes that the history of aesthetics is not only the history of its theory, but also the history of its practice.

Key words: practical aesthetics, history of aesthetics, A. G. Baumgarten, R. Zimmermann, contemporary aesthetics

Вопрос о многоголосоице и история эстетикки

Существуют два вида трудностей – проблемы и препятствия. В первом случае имеет место порядок развития проблемной ситуации: само развитие ставит новые проблемы, в отношении которых появляются задачи, решение которых позволяет преодолеть проблему и обнаружить за ней новую. Проблема – это антихрупкое состояние, внутреннее для самого состояния. В случае же с препятствием имеют место внешние факторы, мешающие развиваться проблеме. Проблема подобна колесу, стремящемуся катиться дальше, препятствие подобно палке в колесе, лишь косвенно связанной с движением. Так, к проблемам философии следует отнести вопрос о соотношении ментального и физического, к препятствию же философии можно отнести недостаточную артикуляцию этого вопроса, отсутствие возможностей для собственно философского изучения этого вопроса.

Безусловно, различие проблемы и препятствия не является абсолютным. Вполне возможно, что проблема обрывает своими препятствиями, но также и возможно, что препятствия возникают сами собой в ходе развития проблемной ситуации. Тем не менее иногда полезно выдерживать это различие, чтобы понимать, с внутренней проблемой ли мы имеем дело или с внешним препятствием.

Одним из препятствий в развитии современных эстетических исследований является препятствие языка, точнее – препятствие относительно терминологии, которую мы используем, говоря о проблемах эстетики. Возможно, когда-то многообразие терминологии было признаком развития. Но сегодня в эстетике существует столько много разных терминов и слов, что зачастую приходится тратить время просто на то, чтобы понять, что вообще имеется в виду, не говоря уже о какой-то более тонкой проблемной работе со смыслом. Как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях по эстетике, стоит только немного окунуться в них, вокруг читателя выстраивается большая орда из «эстетического восприятия», «эстетического переживания», «эстетического качества», «эстетической категории», «эстетической оценки», «эстетического опыта», «эстетического события», «эстетического состояния», «эстетической рефлексии», «эстетического сознания», «эстетического объекта», «эстетического предмета», «эстетического эффекта» и прочее. Для одних что-то из перечисленного «эстетического...» как-то связано между собою, для других часть из названного вообще не имеет никакого смысла, для третьих одно «эстетическое...» синонимично другому.

И парадокс в том, что ни одно из перечисленных понятий не обладает устойчивым смыслом – невозможно указать из этого списка хотя бы на одно «эстетическое...», в отношении которого была бы предварительная убежденность в том, что все понимают под ним одно и то же. И потому нет надежды на развитие и решение проблемы. Есть ли смысл ставить вопрос, например, о строении эстетического опыта, когда для многих само понятие этого опыта настолько чуждо, что все, что в нем слышат – это отголоски позитивизма?

Почему и как так случилось, что в эстетике стало столько много «эстетического...» – предмет отдельного исторического исследования. Но можно предположить, что одна из причин этого – бурное развитие эстетики за последние 40-50 лет, активное обращение к ее проблемам – с одной стороны, и активное же расширение ее проблемного поля – с другой. Возможно, когда-нибудь еще будет написана история этого нового витка эстетики, который она пережила (и, возможно, продолжает переживать) с 1970-1980-х гг. XX в., но все же одним из негативных ее эффектов стала многоголосица «эстетического...».

Казалось бы, существует два очевидных варианта преодоления этого препятствия.

Один из них – это создание единого терминологического аппарата. Но эта задача – изначально провальная: такой условный словарь будет в любом случае отражать лишь позицию его авторов. Иначе говоря, это будет еще один учебник или трактат по эстетике, переведенный в словарную форму, еще один голос в многоголосице «эстетического...», не преодолевающий это препятствие, а лишь усиливающий ее.

Другой вариант – введение общего «зонтичного» понятия, которое давало бы возможность подвести все многообразие «эстетического...» под одно основание. Зачастую в качестве такого понятия предлагается «эстетическое». Однако и это предприятие представляется провальным: введение «эстетического» никак не проясняет само многообразие «эстетического...», это настолько общее понятие, что оно неизбежно становится пустым. Зададимся простым вопросом: почему другим отраслям знания столь общее понятие не нужно? Почему химия легко обходится без понятия «химическое»? Ответ очевиден: потому что химия спокойно изучает химические вещества, химические элементы, химические реакции и химические законы. Заметим, что для развития химии нет никакой надобности вводить общее понятие «химическое». И где была бы химия, если бы она строилась вокруг того, что такое «химическое»? Где была бы история, если бы она оперировала понятием «историческое». Да и философия была бы очень грустным предприятием, если бы она строилась вокруг вопроса о том, что такое «философское». Когда встречаешь

рассуждения о том, что такое «эстетическое», как оно связано с «этическим», «политическим» или еще чем-то – приходится вспоминать грустные рассуждения Р. Карнапа о том, что в философии, к сожалению, бывают случаи, когда вводятся понятия, никакого смысла за собой не несущие. Как известно, в качестве примера сам же Карнап приводил понятие бебика: некоторые философы с радостью готовы порассуждать о том, чем же бебик отличается от не-бебика, какие вещи бебичны, а какие нет, насколько бебичность проявляет себя в истории мысли. Абсурдность «бебика» очевидна, но почему-то в случае с другими обще-пустыми понятиями эта абсурдность исчезает. Как бы то ни было, приходится признать, что в большинстве случаев «эстетическое» – это очередной «бебик». (При этом нельзя не признать иронию истории: во времена Карнапа «бебик» действительно было пустым понятием, сегодня же у «бебика» появилось устойчивое значение: бебиком, согласно историческому словарю галлицизмов русского языка, называют инфантильного мужчину.)

Видимо, схожая судьба ожидает и другие «зонтичные» понятия, ибо сама идея «зонтичности» выглядит крайне сомнительной и не выводящей на уровень решения проблемы.

Как же ставить и как решать проблемы в эстетике, если препятствие многоголосицы «эстетического...» нельзя отложить в сторону, но в то же время и нельзя никак с ним совладать?

Существует как минимум три варианта, с разной степенью убедительности предлагающих преодолеть это препятствие.

Первый из них – это продолжение *диалога* об эстетических вопросах в режиме «несмотря ни на что» и «во что бы то ни стало». Этот вариант строится на слабой надежде, что когда-нибудь недопонимание вопросов и проблем в эстетике перестанет быть определяющим, что когда-нибудь именно в диалоге пустые и никчемные понятия уйдут в прошлое, освободив место для чего-то действительно проблемного и стоящего. Впрочем, качественный диалог – крайне редкое явление и он почти всегда рискует стать монологом.

Другой, противоположный вариант – это ориентация на *действенность* предложенного подхода или среза проблемы. Для этого варианта свойственна не просто «борьба идей», а имен-

но победа одних и поражение других с точки зрения того, какие идеи смогли настоять на своей действенности, на своей большей обоснованности или большей убедительности. Этот вариант легко понять, если вспомнить концепцию исторических нарративов Н. Кэрролла: различные нарративы обосновывают свою значимость с точки зрения истории или теории, и одни нарративы остаются значимыми до тех пор, пока не сменяются другими (то ли в силу своей большей внутренней убедительности и обоснованности, то ли в силу внешних причин, приведших к успеху данного нарратива). Впрочем, действенность крайне условное явление: то, что одним представляется действенным, другим – пустым.

Однако существует и третий вариант выхода из тупика многоголосицы, совмещающий в себе два противоположных – это обращение к *истории* эстетики. Безусловно, история во многом – это продолжение ее теории, и ровно то находится в истории эстетики, что было прежде сформулировано в ее теории. Так, многие понимают историю эстетики как историю понимания красоты ровно потому, что существует (пусть и странное с современной точки зрения) убеждение, что предмет эстетики – исключительно красота во всем ее многообразии. В этом смысле обращение к истории эстетики – это еще одна борьба нарративов с неизменной победой одного из них.

Но есть в этом обращении и диалогическая составляющая: история эстетики может выступать важным элементом диалога, с помощью которого находят новые (как хорошо забытые) ракурсы, что, в свою очередь, порождает продолжение диалога дальше. Еще одним преимуществом этого подхода является внимание не только к тому, о чем ставились вопросы, но и к тому, как они ставились, и, возможно, с этой точки зрения также могут быть преодолены различные сполохи многоголосья. Иначе говоря, возможно обращать внимание не только на то, как рассматривался какой-то либо предмет с точки зрения его истории, но и на то, внутри какого контекста ставился этот вопрос, на то, какие методологические схемы для постановки проблемы предлагались в истории эстетики. Концептуальные рамки, которые задают ракурс на проблемы, иногда показывают больше, чем изучение самой проблемы.

История – теория – практика в эстетике

Классический взгляд на гуманитарные дисциплины исходит из того, что они предлагают различные модели истолкования, порождают, говоря словами Дж. Ваттимо «еще немножечко смысла» в их истории и теории. Однако если схематично представить одну из концептуальных рамок в отношении эстетики, то можно заметить, что в ряду гуманитарных дисциплин эстетику отличает то, что она существует в тесной связи не только истории и теории, но также и практики. Иначе говоря, в отношении эстетики существует триада «история – теория – практика», и именно внимание ко всем трем моментам этой триады и дает полноту рассматриваемого предмета.

Раскрыть эту тесную связь во всей полноте возможно, используя ресурсы всех трех элементов этой триады. Иначе говоря, рассмотреть тесный клубок истории, теории и практики эстетики возможно с точки зрения *истории эстетики*, уделив внимание тому, как практика эстетики рассматривалась в ее неразрывности с теорией. Также возможно провести *теоретическое обоснование* этой тесной связи, рассмотрев, как проблемы эстетики – не только прикладные, но и фундаментальные – связаны с практикой. Наконец, возможно раскрыть эту связь и через обращение к самой же *практике*, показав, что она функционирует в том числе и под прямым воздействием истории и теории.

Но прежде, чем раскрыть эту тесную связь с одной из сторон (отложив на будущее две другие), следует задать концептуальные рамки самого понятия практики.

Во-первых, под практикой понимаются любые активные (прямые или косвенные) воздействия, то, что Х. Арендт назвала *vita activa* в ее противоположности *vita contemplativa*. (Arendt, 2017) В самом широком смысле слова практика – это любые инотеоретические паттерны, т. е. любые формы деятельности, которые подразумевают нечто иное в теории. К практике могут относиться эксперименты (не только мыслительные), эмпирические исследования, различные модели совершенствования и воспитания. При этом крайне важно, что противоположность *vita activa* и *vita contemplativa* принципиально не иерархична. Как подчеркивает Арендт, «когда

я говорю о *vita activa*, то исхожу из предпосылки, что включаемые ею виды деятельности не поддаются редукции к некоей неизменной основной задаче „человека вообще“ и что, далее, они не выше и не ниже основных задач, какие ставит себе *vita contemplativa*». (Arendt, 2017, 26-27)

Во-вторых, для практики свойственны отсутствие дистанции и необратимость собственных форм, практика связана со временем как длительностью, подразумевающей включенность. О том, что практика «творится во времени, что от времени она получает свою форму как порядок следования, а тем самым и свой смысл и направленность» (Bourdieu, 2001, 192) много говорил П. Бурдьё. Он особо подчеркивал, что практика свершается «в условиях, исключающих дистанцию, взгляд со стороны, общий обзор, отсрочку решения, отрешенность мысли» (Ibid., 159), что неизбежно приводит ко фрагментарному характеру практики. Режим теории и режим практики с точки зрения необратимости разные: в теории мы можем «вернуться назад», пересмотреть, переоценить, заново произвести теоретические ходы, в практике же движения назад нет, для нее важно свершение в настоящем, а не ориентация на вечность, зажатую между прошлым и будущим.

В-третьих, теория и практика существуют в череде нелинейных отношений друг с другом: большое заблуждение представлять практику как простое «применение» теории. Одним из последних, кто настаивал на нелинейных отношениях теории и практики, был Т. Адорно. (Adorno, 1969) В своем небольшом эссе про отношение теории и практики он подчеркивает, что особенность этого отношения куда сложнее, чем приложение одного к другому: «Если теория и практика не являются ни непосредственно едиными, ни абсолютно различными, то их отношения носят прерывистый характер. От практики к теории не ведёт непрерывный путь... Отношения между теорией и практикой, после того как они отошли друг от друга, – это качественный скачок, а не переход и уж тем более не подчинение». (Ibid.) Иначе говоря, отношение между теорией и практикой требуют прояснения в каждом конкретном случае: как теория не живет в Касталии Г. Гессе, дожидаясь, когда же кто-то применит ее за пределами провинции,

так и практика не ходит вокруг Касталии, выискивая, что бы из мира провинции «применить».

Итак, в данном случае я хотел бы предложить раскрыть описанную триаду «история – теория – практика» лишь с точки зрения истории эстетики, надеясь, что теоретическое ее обоснование и практическое объяснение не заставят себя ждать. При этом следует различать практику эстетики от практической эстетики. Первая подразумевает воздействие, испытание эстетических проблем, даже если сами эти проблемы не осознаются как таковые. Вторая же подразумевает практикование на основе теории и истории эстетики. Впрочем, само это различие на практику эстетики и практическую эстетику необходимо будет учитывать лишь в тех случаях, когда последняя заявляет о себе как чем-то самостоятельным.

С точки зрения истории эстетики можно заметить три момента.

Первый: основателями эстетики зачастую учитывалась и принималась во внимание ее практическая составляющая. Она же подчеркивалась и в ранних историях эстетики.

Второй: с определенного момента эстетика стала восприниматься исключительно как теоретическая (созерцательная) дисциплина в двух ее модификациях – история и теория. И возникшие на основе этого истории эстетики также свели последнюю лишь к ее теории.

Третий: ряд современных тенденций возвращается к практической составляющей эстетики.

Краткая история практической эстетики и ее забвения

Как в отечественной, так и в зарубежной истории эстетики уже давно принято разделение на ту ее часть, при которой ее проблемы еще не воспринимались как предмет отдельной отрасли философии (прото-эстетика или имплицитная эстетика) и ту, при которой сформировалось представление о существовании отдельной отрасли философии, специально изучающей эти проблемы (эксплицитная эстетика). При всей важности, но также и неоднозначности этого разделения, в данном случае хотелось бы обратить внимание только на вторую ее часть. И удивительно: в первые десятилетия

своего существования эстетика представлялась не только как теоретическая, но также и как практическая дисциплина, а первые историки эстетики также подчеркивали ее теоретический и практический характер.

Это легко видно по трем примерам.

Уже в «Эстетике» А. Баумгартена (1750) сразу же заявляется, что существует две части эстетики – теоретическая и практическая: «Наша эстетика, § 1, как логика, ее старшая сестра, бывает I) *теоретическая*, обучающая, общая..., II) *практическая*, прикладная, специальная». (Baumgarten, 2021, 44) Собственно, из этих двух частей, по замыслу Баумгартена, и должен был состоять его труд. К сожалению, он оказался незавершенным и потому вторая часть так и осталась ненаписанной, а в предисловии к изданной «Эстетике» Баумгартен с сожалением пишет, что по состоянию здоровья у него уже «нет надежды перейти к практической части эстетики, которую я некогда называл второй, и к отдельным пунктам, которые были намечены в записанных под диктовку лекциях, представивших удобную возможность для таких размышлений». (Ibid., 494-495) Но даже в первой, теоретической части у Баумгартена существует множество рассуждений о том, с чем связана практическая эстетика – это и объяснение того, кто такой *практический эстетик* (тот, кто «имеет наилучшее происхождение и воспитание» и не имеет «в мыслях ничего пошлого, ничего низкого» (Ibid., 167)), и раскрытие вопроса о необходимости *эстетических упражнений* и даже *эстетических испытаний* (понимая под последними упражнения, установленные для того, «чтобы проверить, достаточны ли силы данного человека и каких сил может быть достаточно для данного вида прекрасного познания». (Ibid., 66)) Кроме того, целью самой эстетики Баумгартен определял «совершенство чувственного познания как такового... А это совершенство есть красота». (Ibid., 45)

Более подробный анализ проекта практической эстетики Баумгартена – предмет отдельного анализа, но даже по этому краткому очерчанию видно, что теоретическая и практическая эстетика воспринимались как само собою разумеющиеся составные части эстетики как таковой. Безусловно, само

понимание практической эстетики у Баумгартена тесно связано, скорее, с риторикой и поэтикой, с искусством рассуждения в широком смысле слова, нежели с конкретными практическими исследованиями, которые свойственны современной эстетике. Но в данном случае важнее другое – то, что эстетика ни в коей мере не рассматривалась только как теоретическая область исследования.

Интересно, что современники и ближайшие последователи Баумгартена также придерживались неизбежности теории и практики эстетики.

Так, если обратиться к творчеству малоизвестного немецкого философа, современника А. Баумгартена *Карла Готхельфа Мюллера* (1717-1760), то практическая эстетика также будет выражена как нечто само собою разумеющееся. К сожалению, Мюллер оказался совсем забыт в истории философии, хотя в свое время он достиг поста ректора Йенского университета в летнем семестре 1758 г. (по сложившейся традиции, прерванной в 1931 году, ректор Йенского университета избирался на один семестр). Его перу принадлежат изданные небольшими брошюрами речи и обращения, но также книги по риторике и этике. В 1759 г. он выпускает книгу «Логика и эстетика», основная идея которой – параллель между логикой и эстетикой. Мюллер утверждает, что существует искусство правильного мышления, и оно выражается в искусстве оперировать, с одной стороны, логическими понятиями, суждениями и умозаключениями, а с другой – эстетическими понятиями, суждениями и умозаключениями. Более того, как для логики, так и для эстетики свойственно разделение на теоретическую ее область и практическую. В части, посвященной эстетике, Мюллер проводит идею, что эстетические понятия, суждения и умозаключения возникают благодаря воображению, поэтическому гению и другим факторам. Также он подчеркивает роль знания в формировании эстетических представлений, обсуждает, что «знание может обогатить эстетические понятия отчасти тогда, когда оно обнаруживает нечто сходное среди возникших объектов воображения и тогда оно помогает воображению расширить и сформировать представления, а отчасти тогда, когда оно укрывает сходное». (Müller, 1762,

93) Несмотря на то, что «Логика и эстетика» в довольно схематичном виде показывает роль эстетических представлений, все же важно то, что в ней дается практическая составляющая логики и эстетики как «искусства проверять и утверждать открытые нами истины», а также как «искусство расширять область истины собственными рассуждениями, или искусство размышления». (Ibid., VIII)

Схожие с Баумгартеном и Мюллером идеи развивал и немецкий философ, автор «Всеобщей истории философии» *Иоганн Август Эберхард* (1739-1809) в своем небольшом труде «Опыт составления плана практической эстетики» (1790). Эберхард рассматривает чувство и соответствующее ему удовольствие как самостоятельную силу и утверждает, что «элементами, определяющими степень удовольствия, которое мы можем получить от чувств, являются: количество, разнообразие, яркость и новизна». (Eberhard, 1791, 11) И далее Эберхард рассматривает роль чувств в изящных искусствах и как соотносится прекрасное и роль зрения в искусстве и в природе. Безусловно, в свете вышедшей в том же 1790 г. «Критики способности суждения», в которой вопросы о гении, видах изящного искусства, о соотношении красоты в природе и искусстве рассматривались значительно глубже, идеи Эберхарда ушли в прошлое, но само представление о необходимости «плана практической эстетики» (пусть и понятной как анализ элементов в различных видах искусств) показательно.

Существуют и другие примеры введения представления о теоретической и практической эстетике в учения XVIII в. (анализ этого представления, например, в работах эстетиков XVIII в. И. Л. Шедиуса и Д. А. Сердахели см. в сборнике «Антропологическая эстетика в Центральной Европе 1750-1850»).

Нетрудно заметить две характерные особенности. Во-первых, как у Баумгартена, так и Мюллера, практическая эстетика связана с риторической деятельностью, умением пользоваться данными логики и эстетики для создания «искусства правильно мыслить», для Эберхарда же практическая эстетика связывалась с конкретными элементами в изящных искусствах. Во-вторых, у Мюллера и Баумгартена эстетика мыслится не только в ее разделении на теоретическую

и практическую, но также и в связи с логикой (в цитированном выше фрагменте из Баумгартена он называет логику «старшей сестрой» эстетики).

В этой связи нельзя не заметить важный историко-философский аспект. Дело в том, что к моменту открытия эстетики господствующей философской традицией (по крайней мере, в Германии) была традиция Х. Вольфа. У Вольфа уже в 1735 вышла «Логика», в которой он различал «logica docens» и «logica utens» (Wolff, 1735, 75-76), что во многом схоже с тем, что позже стали именовать теоретической и практической логикой. Само различие на *logica docens* и *logica utens* восходит к схоластике XIV века (подробнее об этом см.: Dragalina-Chernaya, 2014), но именно благодаря Вольфу и его популярности в философских кругах сформировалось устойчивое представление о существовании теоретической и практической логики. Иначе говоря, эстетика в положении «младшей сестры» во многом ориентировалась на свою старшую родственницу, и потому неизбежным оказалось и само разделение на теоретическую и практическую эстетику.

Таким образом, само введение практической эстетики в философское поле было связано у ее основателей как с внутренними причинами (открытие эстетики как особой области, в пределах которой теория и практика тесно связаны друг с другом), так и с внешними (параллель эстетики с логикой, которая к моменту открытия уже мыслилась как теоретическая и практическая).

Следы практической эстетики возможно найти и у Канта (в его понятиях «культура вкуса» и «культура душевных сил»), однако все же у Канта практическая философия закрепляется исключительно за философией морали. В послекантовской же эстетике мы наблюдаем на протяжении как минимум XIX и первой половины XX вв. устойчивое ее понимание как философия красоты и искусства.

Если же кратко излагать историю самой истории эстетики, то интересно обратить внимание на то, что здесь постепенно подчеркивается теоретический характер эстетики, со временем же практический посыл оказался совершенно забыт.

Вероятней всего, первая попытка создать историю эстетики принадлежит *Бенедикту Йозефу Мария фон Коллеру* (1767-1798). Коллер был драматическим поэтом, историки разнятся в точных датах его жизни, но в любом случае это вторая половина XVIII – начало XIX вв. В 1799 посмертно выходит его небольшой труд «Очерк истории и литературы эстетики», который и стал первым исследованием по истории эстетики. «Очерки...» построены по принципу рецензий на книги по эстетике, которые выходили во второй половине XVIII в. При этом Коллер попрекает многих за неясный стиль изложения: «Некоторые писатели... считали, что, поскольку ясность несовместима с красотой, то и об изящном искусстве не следует писать ясно и определенно». (Koller, 1799, 32) И хотя здесь Коллер рассуждает в большей степени о теории эстетики и подчеркивает, что «эпоха теории, как, вероятно, никто не станет отрицать, начинается с Баумгартена, заслуга которого, по крайней мере, в том, что он первым высказал идею теории, основанной на разуме» (Ibid., 27), все же он периодически подчеркивает, что эстетика – это также и практическая дисциплина.

Труд Коллера был мало известен и потому все же важнейшей фигурой в истории эстетики является *Р. Циммерманн*, который в своем фундаментальном труде «История эстетики как философской науки» (1858) описал основные вехи ее становления. У Циммерманна уже не найти никаких следов понимания эстетики как практической дисциплины. При этом примечательно, что Циммерманн постулирует кризис в эстетике: «Благодаря сознательному отказу от объективной меры... эстетика, снова потеряла большую часть своего доверия. Раздаются голоса, отказывающие ей в праве на существование, и действительно, если после столетия существования она не может пойти дальше общепринятого мнения, что о вкусах не спорят, значит, больше не может быть сомнений в том, что она все еще заслуживает названия новой науки». (Zimmermann, 1858, X-XI) Выходом же из этого кризиса Циммерманн видит в том числе историю эстетики: «Именно в такой момент, когда результат кажется безнадежным, наступает время исторической рефлексии...», в связи с чем цель «Истории эстетики» – «зафиксировать все пути и отклонения,

по которым до сих пор пыталась пройти философская наука о красоте и искусстве». (Zimmermann, 1858, XI) Можно оставить без внимания то, почему Циммерманн понимает эстетику как философскую науку именно о красоте и искусстве, куда важнее то, что для Циммерманна история эстетики – это история теории эстетики, история теоретических представлений об искусстве и красоте.

В работах после Циммерманна этот чисто теоретический ракурс на эстетику в ее истории сохраняется: в работах М. Шаслера, П. О. Кристеллера, Б. Кроче, В. Татаркевича и других о практической эстетике ничего не говорится, а практическая философия понимается исключительно в духе Канта. Практика стала рассматриваться в ее противоположности к эстетике (особенно после Канта и понятия незаинтересованности). Так, Б. Бозанкет в своей «Истории эстетики» (1892) подчеркивает, что «эстетическая теория – это раздел философии, и она существует ради знаний, а не как руководство к практике» (Bosanquet, 1904, XI) и развитие эстетики рассматривается в том числе под углом противопоставления эстетического и практического интереса. Аналогичные выводы об истории эстетики как дистанции от ее практики можно найти и в ряде современных работ.

Предложенный обзор ранних эстетических теорий и историй эстетики предельно краток, но даже из него можно сделать вывод, что роль практики эстетики все же существовала в последней (пусть и не во всех вариантах и не всегда отчетливо). Ориентировочно же со второй половины XIX в. практика постепенно изымается из теории и истории эстетики, хотя следы ее остаются (в основном, в виде теории и практики эстетического воспитания).

Назад, к практической эстетике?

Досадно, что история эстетики забыла о ее практике. Но можно смело утверждать, что современная эстетика, отсчет которой следует вести со второй половины XX в., предлагает множество подходов, ориентированных на практику. Соматическая эстетика, эстетика окружающей среды, эстетика повседневности, а также различные направления в прикладной эстетике

и экспериментальной эстетике – вот лишь некоторые области, в которых наблюдается возвращение к пониманию эстетики в ее единстве теории и практики.

При этом следует учесть, что современное понятие практики сильно отличается от того, которое использовалось в XVIII в., и потому внимание к оттенкам практической эстетики требует деликатного философского анализа, который, увы, еще не был предложен в эстетической теории.

В этой же связи во многом меняется и роль истории эстетики. В середине XIX в. Циммерманн писал: «Среди отдельных философских наук, развитие которых развитие которых стало предметом отдельного рассмотрения, история эстетики все же сделала меньше всего шагов». (Zimmermann, 1858, V-VI) Для немецкого философа было очевидно, что история эстетики как история теории эстетики еще не достигла определенного уровня. Сегодня же, спустя почти два столетия, можно продолжить эту мысль Р. Циммерманна. Действительно, история эстетики сделала меньше всего шагов, но именно потому, что не в достаточной степени уделялось внимание практике эстетики наравне с ее теорией. Возможно, история практики эстетики в широком смысле слова – это новая область исследования. Например, история того, как люди практиковали разные формы эстетических переживаний – совершенно неизученная область как потому, что все многообразие этих переживаний сводилось к эстетическому удовольствию от красоты и искусства, так и потому, что все еще открытым является вопрос об отношении практики эстетики и практической эстетики.

Совершенно точно, что перед историей, теорией и практикой эстетики открываются новые дали и глубины и потому будем с трепетом ожидать новых эстетических открытий и свершений. Новая история эстетики еще не написана.

REFERENCES

Adorno, T. W. (1969). *Marginalia to Theory and Praxis*. Retrieved May 21, 2025, from <https://liberadio.noblogs.org/?p=3255>. (In Russian)

- Arendt, H. (2017). *Vita Activa or On Human Condition* (V. V. Bibikhin, Trans.). Rus. Ed. Moscow: Izdatel'stvo Ad Marginem. (In Russian)
- Baumgarten, A. (2021). *Aesthetics* (G. S. Belikova, Trans.). Rus. Ed. Moscow: Izdatel'stvo Universiteta Dmitriya Pozharskogo. (In Russian)
- Bourdieu, P. (2001). *Practical Sense* (A. T. Bikbov, K. D. Voznesenskaya, S. N. Zenkin, N. A. Shmatko, Trans.). Rus. Ed. St. Petersburg: Aleteya. (In Russian)
- Bosanquet, B. (1904). *A History of Aesthetic*. Swan Sonnenschein & Co.: The Macmillan Company.
- Csuka, B. (Ed.) (2018). *Anthropological Aesthetics in Central Europe*. Hannover: Wehrhahn Verlag. (In German)
- Dragalina-Chernaya, E. G. (2014). Logica Docent VS Logika Utens: The Case of Zhengming. In D. M. Nosov (Ed.), *Philosophy at the University. A View from Moscow and Shanghai* (pp. 123-136). St. Petersburg: Aleteya Publ. (In Russian)
- Eberhard, J. A. (1791). *An Attempt at a Practical Aesthetic*. In J. A. Eberhard (Ed.), *Philosophical Magazine* (pp. 1-54). (Vol. 3). Halle: Waisenhaus. (In German)
- Koller, B. J. M. von (1799). *A Draft on the History and Literature of Aesthetics*. Regensburg: Montag und Weiß.
- Müller, C. G. (1762). *Logic and Aesthetics*. Jena: bey Joh. Rudolph Crökers seel. Wittwe. (In German)
- Wolff, C. F. von (1735). *Philosophia Rationalis sive Logica: Methodo Scientifica Pertractata Et Ad Usum Scientiarum Atque Vitae Aptata. Praemittitur Discursus Praeliminaris De Philosophia In Genere* [Rational or Logical Philosophy: The Scientific Method Studied and Adapted to the Use of the Sciences and Life. Preliminary Discourse on Philosophy in General]. Francofurti & Lipsiæ Frankfurt a. M., Leipzig: Veronae. (In Latin)
- Zimmermann, R. (1858). *History of Aesthetics as a Philosophical Science*. Wien: Wilhelm Braumüller. (In German)